

К юбилею Ф. М. Достоевского

Кушникова, автор книги «Кузнецкие дни Федора Достоевского», много лет занимающаяся «кузнецким периодом» и творчества писателя, чьему посвящено немало публикаций, теле- и радиопередач, предлагает в дополнение к замкнутому ранее еще ряд гипотез.

Т А ВТОРА. С Кузнецком луки действует исподволь Ц связана одна из счастливейших безошибочно. Говорят, развязных и сложнейших в жизни великого разлука гасит слабые чувства и пожар раздувает сильные. Не то ли случилось с Достоевским, который после года по 1857 г. проживала в Дмитриевна Исаева, к которой Достоевский навсегда приезжал из Семипалатска и с которой облей* в 7 февраля 1857 г. в Елске.

изное чувство — так звал Достоевский свою любовь к М. Д. Исаевой, живший в 1864 г., — отложил свойственный отпечаток на последующее творчество писателя.

и не менее брак этот оказался далек не счастливым для Достоевского. Она была, возможно, именем* «блуда осты счастья», кон-

о любви и бессмертии», в которой впервые нашла глубокий анализ истории трагической любви Достоевского к Исаевой, как бы апробирующий соображения, возникшие эмпирически много лет назад: «Это была сознательная любовь и при сплошной подозрительной борьбе НАСИЛИЯ и ненависти... Почему невозможно было возлюбить до конца, сяйтой любовью? Что препятствовало, что связывало?»

Работая в архивах Достоевского, Б. П. Вышеславцев, по его рассказу, нашел медитацию Достоевского в старинной записной книжке в коричневой коже с золотым обрезом, среди афоризмов и записей долгов и расходов — медитацию у смертного одра Исаевой («Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей...»). В найденных Вышеславцевым записях, ныне опубликованных в «Неизданном Достоевском» (М., 1971 г., с. 173—175), речь шла о высшей и низшей вечности.

Что связано непосредственно

Исаева — недосыпаема,

ную жену, даря ей каким-то ником. Состояние возбужденное, тревожное, — но моя шпара иногда этого просится.

Это — о былых даниках «грозного чувства». Та глядело, очевидно, на сторонний взгляд, сочувствие Достоевского к Исаевой, сменившее былое смятение...

Игрок. Итак, что же таилось за «грозным чувством» великого писателя? — «Сочинение романа въявь? Но не упростим ли мы понимание этого сладостного и трагического узла» его жизни? Что это такое — «сочинение романа въявь? Стремление и способность создавать ситуации и предпосылки к ним, режиссировать слова и действия персонажей жизненного спектакля, который вокруг Достоевского почти всегда бурно вихряется? Оправдано ли такое предположение? Обратимся к письмам его к брату, сестре ял к Врангелю — и найдем таких примеров предостаточно.

Вчерашние влюбленные оказываются разделенными растущим отчуждением и постоянно тлеющим раздражением, что связано непосредственно

Исаева — недосыпаема,

«Человек есть тайна». Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...» Это слова Достоевского.

Так позовим же себе задать кощунственный вопрос:

хорошим или дурным человеком

„Грозное чувство“ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

он черпал в общении

Д. Исаевой.

язка романа предста-
вагадку, и многие лите-
ры касались ее, выдви-
вершили разгадок.

ЕЛЬ «ГРОЗНОГО ЧУВСТВА»? Почему же так неожи-
денно, так поспешно дописана глава Достоевского? Правда?

десять лет назад лишь намечались вехи, хоть
когнобудь помогавшие
и, почему столь страст-
тремление друг к другу,
навеше, наконец Достоев-
ко с его избраницей, тотчас же изжило себя.

гипотеза: «Поединок».

боловска, равно независимо

и равно сильным харак-

тером оказывается связан-

поседневной жизнью.

и самое жестокое ис-

чества — будни. По-

тотальности, болезни

или фантастический

его первого

Мария Дмитриевна

и идеей бессмертия в любви и браке? Бессмертие высшее — в духовном единении, толкающем к творческому сози-
данию, бессмертие низшее — через брак, продолжение рода. «Вечное значение имеет только гармония взаимо-
вспоминающих индивидуаль-
ностей, тогда как «семейство — это высочайшая святыня человека на земле... но не на небе!» (В записи от 16 апреля 1864 года: «Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояния человека»).

Эту запись Достоевского Вышеславцев комментирует, как бы расставляя на законные места «грозное чувство» и Исаевой и счастливый много-
детный брак Достоевского с Анной Григорьевной.

В чем все-таки тайна взаимоучастия этих двух людей, как бы предназначенных друг другу и схожих не только силой духа и цельностью, — потому что разве у Достоевского характер не «странный, подозрительный, болезненно-фантастический»? То есть такой, каким он в письме к Врангелю описывает нрав самой Исаевой.

И, наконец, гипотеза: «Сочинение романа въявь». Возможно, самая состоятельная из всех способных объяснить гибель «грозного чувства». Ведь Исаева — первый виток будущей плеяды «униженных и ескорбленных» явлений творчества Достоевского. Кек уже было

Звезда в небе. Достоевский решил звезду с неба достать и достанет, чего бы это ни стоило. Как искусный шахматист, расставляет ом на доске свои фигуры: брат, тетушка, сестрица. Врангель. Он уже нарисовал план игры. Он его видит. И режиссирует, соответственно. Но игра — не шахматиста. Игра — лихорадочная, скорее у рулеточного стола. Результат, результат немедленно — «за ценой игрока не постоит».

И, может, последующее увлечение Достоевского игрой — карты и рулетка — лишь одна из форм проявления на-
турь «игрока в жизнь». Ре-
жиссируя жизненные ситуа-
ции, дописывая сценки и гла-
вы своих отношений с людьми, он, возможно, точно так же режиссирует свои игорные страсти, свято веря, что сце-
нарий не подведет — Достоевский не может не выиграть.

Думается, такая гипотеза имеет право на жизнь. Зада-
емся, вопросом: что побуж-
дало отнюдь не беззреленную Анну Григорьевну не только

ком был Достоевский, игрок, представляющий на жизнен-
ной доске фигуры своих друзей, родных, возлюбленных?

Вопрос — риторический.

«Игорная лихорадка» владела им всю жизнь. Рулеточная —

лица одна из ипостасей его

игорной страсти. Главнейшая

же, самая сладостная и самая

мучительная, — «игра в

жизнь». А может, — «на

жизнь».

Наверное, Достоевский и не подозревал, что играет своим фигурами, Он — творил. Роман своей жизни. Очевидно, любой человек животворящий — немножко игрок, именно в упомянутом смысле.

«Грозное чувство» Достоевского — чудесная случайность судьбы — а сущности было им самим внутренне предопределено. Перед отъездом в Семипалатинск в письме Достоевского к жене давка-
бристки Наталье Дмитриевне Фонвизиной читаем: «Я в ка-
рам-то ожидания читаю: я

как будто все еще болен та-

когда, и кажется мне, что со-

мной я скром, очень скром

времени должно случиться

важнейшая вещь».

исаева и помнив-
ссыльного солдата
его. Казалось бы,
заруб Достоевским
триумф. Что же
входу ними? Досто-
еевский • работу, •
«е дела по наложи-
тиаков с «просвет-
столицами»; в виду
возвращения он
об устройстве па-
и в Омский кадет-
тус. Казалось бы, и-
но все это едва
звестность Исаеву о
их и уж никак не
С ней, как бы за-
те «безграничном
смысле» и «тверdom,
вражтерем». Она же,
знающая людей»,
я в себе. Она ко-
ши, вернее, никаким
привыкла. Даже в
дкусупрограмист-
ки. Думая об этом,
и ощущается тяж-
чение, нависшее в
тинских комнатах:
идет первого слова
го, каждый хочет
чувствовать другому
и, каждый оберегает
свое достоинство,
щелка в сердцах
и доступ чувству.
умирает за отсутстви-
рительной непринуж-
которая создает
но приемлемый для
климат. Впоследствии,
кончины Марии Дмит-
(16 апреля 1864 года),
(ий запишет: «Итак,
стремится на земле
и, противоположному
ре. Когда человек не
закона стремления
и, т. е. не приносит
в жертву своего я
или другому сущес-
Маша), он чувствует
и называл этот состо-
ком. Итак, человек
и должен чувст-
страдание, которое
живется райским
ием исполнения За-
и. е. жертвой»...

гипотеза: «Духовность
иология». Пока Мария
и супругом Алексеем
Ивановичем Исаевым
Кузнецке, роман с
ским был скорее
йной дружбой». Более
общение случалось,
и, лишь как редко-
т, хотя бы по воле об-
ств. Затем разлука,
ра года — две мимо-
стричи. Обратимся к
ости единственного
его письма Достоев-
Исаевой, первого пос-
переезда в Кузнецк.
стно, что фактор раз-

вязи, и Т наказание — взаим-
моотталкивание. Существовав-
ше между ними таинствен-
ное притяжение духа никак
не сживалось с притяжением
эротическим. Подсознательно
они были «созданы, чтобы
быть как братом и сест-
рой по духу («...мы мне были
родная сестра», — в первом
письме Достоевского к Исаев-
вой). Две половинки — но в
духовном плане, Достоевский
же как бы насилию рушил
барьер меж их идеальным
притяжением и «земной лю-
бовью», домогаясь Исаевой
чуть не принуждением. Так и
хочется сказать, «насилуя
судьбу». Помнившись именно
страсти игрока, как уже было
сказано, Мария Дмитриевна
подсознательно сопротивля-
лась сближению, хотя созна-
тельно понимала и принимала
логику развития отношений
с Достоевским, логику, веду-
щую к браку, к физическому
сближению. Подсознание са-
мого Достоевского тоже по-
нимало тщету такого сближе-
ния («...вы были мне более,
чем сестра», — из единст-
венно целеевшего письма
Достоевского к Исаевой; «вы
были мне родная сестра» —
оттуда же), но сознание про-
тестовало: ему нужно было
доказать себе, что вернулась
былая удача, былье возмож-
ности. (Игра начата — делай-
те ваши ставки, господа!).
Борьба за Исаеву — читай,
борьба с судьбой, — выигра-
на. Трагический же конфликт
меж подсознательным веле-
нием обоих и грубой реализа-
цией земных помыслов, пря-
мо вытекающих из всего раз-
вития их романа, убил ту
идеальную, священную пред-
назначенность их друг другу
— как духовны» половинок.
В той же записи от 16 апре-
ля 1864 года — после кончи-
ны Исаевой: «...Мы знаем то-
лько одну черту будущей
природы будущего существа,
которое вряд ли будет и на-
зываются человеком...» эта
черта: «не женятся и не пас-
туют, а живут как ангелы ба-
жии... женильба и посагование
на женщину есть как бы
величайшее оттолкновение от
гуманизма, совершенное об-
собление пары от все» (мало
остается для всех)...

Каково же было мое изум-
ление, когда недавно прочла
публикацию Бориса Петровича
Вышеславцева (1877—
1955 гг.), русского философа
круга Н. Бердяева, как и
многие другие, не по своей
воле скончавшегося в Жене-
ве. Публикация «Достоевский

жизненного узла? Ведь Досто-
евский — великий генератор
страдания и жажды потреби-
тель «сладости страдания»;
к этому мы еще вернемся.
Пока же Исаеву во плоти,
ставшая супругой и потеряв-
шая ореол роковой недосыгаг-
емости, могла Достоевского и
не волновать. Он просто ее
не видел. Вернее, видел у же
не ее. Катерину Ивановну
Мармеладову, Грушеньку,
Зину — видел. А Исаеву —
нет. Она, как таковая, свою
миссию выполнила. Она стала
прототипом блестательной и
трагической Настасьи Филипповны,
и Настасья Филипповна
«влюбила» в себя Достоевско-
го. Так выписан ее образ в
романе «Идиот», что не усом-
нишься.

Стала ли Исаева безразлич-
ной для Достоевского так не-
долге? Перестал ли он лю-
бить ее помимо прочего, —

и что будет с ней? Может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, во всяком случае неизбежное.

Почва взрыхлена и ждет засева. Встреча с Марией

Дмитриевной, последовавшая
невдогле, укладывалась в вполне
смутный еще набросок будущего сценария «грозного
чувства». Герои романа встре-
тились — чувство вспыхнуло.

Далее фабула разыгралась,
неосознанно подхлестываемая
нетерпеливой волей великого
сочинителя. Все закономерно.
Еще в «Мертвом доме» пост-
тигнуто: «Страдание и боль
всегда обязательны для широкого
сознания и глубокого
сердца. Истинно великие лю-
ди... должны ощущать в
свете великую грусть». Мало-
важно, что скажет гораздо
позже Раскольников в «Прес-
туплении и наказании». Перед
встречей с Исаевой Достоев-
ский созрел именно для та-
кого «грозного чувства», в ка-
тором взаимосострадание об-
леклось в личины любви, «
любовь превращалась во вза-
имомучительство, постоянно
подживляющее «климат стра-
дания»...

Достоевский — виртуоз в
своем пороке. Не игра, а меч-
та о игре, не игра — режис-
сура климата игры и всего
антуража игорного стола, не
игра — благородная цель,
наконец, нажить «капитал» и
спокойно работать — это ли
не творческий флер, коим
Достоевский овеял свою
статью? Вернемся в 1863 год.
Еще жива Мария Дмитриевна,
в разгаре бурный роман Дос-
тоевского с Апполинарией
Сусловой. В разгаре же и
очередной его игорный «за-
пой». Но — уж задуман «Игрок»,
и о его характере Дос-
тоевский пишет Н. И. Страхову:
«...Он — игрок, и не просто
игрок, также как Скупой
Рыцарь не просто скучец...
Он поэт в своем роде, но де-
ло в том, что он сам стыдится
этой поэзии, ибо глубоко
чувствует ее низость, хотя по-
требность риска и облагора-
живает его самого в глазах
самого себя»...

Предопределенности, маши-
вующиеся под случайности,
сопутствуют, похоже, Достоев-
скому всю жизнь... и даже за
ее пределами.

Не странно ли — кузнецкое
внчание Достоевского с Иса-
евой, которое сам он расце-
нивал как пик своего постка-
торжного возрождения через
любовь и как начало новой
жизни, падает на 7 февраля.
Смерть — на 9-е. Как бы за-
кольцовывая жизненный периг-
од, прошедший, пусть и кос-
венно, под знаком великого
чувства, равного которому
Достоевскому более не суж-
дено было испытать.

Роман «Игрок» в десять па-
гентных листов Достоевский
написал за 26 дней — своего
рода, литературный подвиг. И
Анна Григорьевна, в ту пору
еще Неточка Синтикина, к то-
му тесно причастна. Не от это-
го ли ее прозорливость: не
мешать играть — игра тот
волшебный эликсир, который
придает Достоевскому и сы-
лы, и стремление к взлету
(«чувствую низость» и стрем-
люсь раскрыться и «искупить»)
через творчество. Так из Гам-
бурга в Дрезден после оче-
редного проигрыша отправле-
но знаменательное письмо:
«Нервы расстроены, и я уст-
аю, но тем не менее я в
хорошем очень даже состоя-

В нынешнем юбилейном го-
ду Достоевского чествования
его начались в Министерстве
культуры РСФСР 8 февраля.
На вопрос — почему выбрано
это число, мне ответили: ка-
кун смерти писателя (Ф. М.
Достоевский скончался 9 фев-
реля). О дате его духовного
воскрешения — 7 февраля —
никто и не думал. Но пред-
определение, надев личину
случайности, промежуточной
датой чествования связало
второе рождение и смерть
великого писателя как бы в
едином цикле. Словно «гроз-
ное чувство» и сейчас, через
полтора века, предол-
жает свое возрождение...

М. КУШНИКОВА.